

Лев
Давидович
Троцкий

МОЯ ЖИЗНЬ

RUGRAM

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т76

Троцкий, Л. Д.

Т76 Моя жизнь / Л. Д. Троцкий. — М. : RUGRAM, 2022. — 644 с. — (Навстречу революции).

ISBN 978-5-521-78096-9

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский проект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об общественном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимости — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «Навстречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78096-9

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Том I

Предисловие	7
Глава I. Яновка	16
Глава II. Соседи. Первая школа	41
Глава III. Семья и школа	56
Глава IV. Книги и первые конфликты	76
Глава V. Деревня и город	96
Глава VI. Перелом	110
Глава VII. Моя первая революционная организация	121
Глава VIII. Мои первые тюрьмы	132
Глава IX. Первая ссылка	142
Глава X. Первый побег	152
Глава XI. Первая эмиграция	160
Глава XII. Съезд партии и раскол	169
Глава XIII. Возвращение в Россию	185
Глава XIV. 1905 год	195
Глава XV. Суд, ссылка, побег	208
Глава XVI. Вторая эмиграция и немецкий социализм	224
Глава XVII. Подготовка к новой революции	244
Глава XVIII. Начало войны	258
Глава XIX. Париж и Циммервальд	269
Глава XX. Высылка из Франции	279
Глава XXI. Через Испанию	286
Глава XXII. В Нью-Йорке	299
Глава XXIII. В концентрационном лагере	310

Том II

Глава XXIV. В Петрограде	321
Глава XXV. О клеветниках.	333
Глава XXVI. От июля к октябрю	346
Глава XXVII. Ночь, которая решает.	356
Глава XXVIII. Троцкизм в 1917 году	364
Глава XXIX. У власти.	370
Глава XXX. В Москве	386
Глава XXXI. Переговоры в Бресте	401
Глава XXXII. Мир	420
Глава XXXIII. Месяц в Свияжске	437
Глава XXXIV. Поезд	453
Глава XXXV. Оборона Петрограда	466
Глава XXXVI. Военная оппозиция	479
Глава XXXVII. Военно-стратегические разногласия	495
Глава XXXVIII. Переход к НЭПу и мои отношения с Лениным ...	506
Глава XXXIX. Болезнь Ленина.	516
Глава XL. Заговор эпигонов	537
Глава XLI. Смерть Ленина и сдвиг власти	551
Глава XLII. Последний период борьбы внутри партии	569
Глава XLIII. Ссылка	593
Глава XLIV. Изгнание	614
Глава XLV. Планета без визы	624

TOM I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше время снова обильно мемуарами, может быть, более, чем когда-либо. Это потому, что есть о чем рассказывать. Интерес к текущей истории тем напряженнее, чем драматичнее эпоха, чем богаче она поворотами. Искусство пейзажа не могло бы родиться в Сахаре. «Пересеченные» эпохи, как наша, порождают потребность взглянуть на вчерашний и уже столь далекий день глазами его активных участников. В этом – объяснение огромного развития мемуарной литературы со времени последней войны. Может быть, в этом же можно найти оправдание и для настоящей книги.

Сама возможность появления ее в свет создана паузой в активной политической деятельности автора. Одним из непредвиденных, хотя и не случайных этапов моей жизни оказался Константинополь. Здесь я нахожусь на бивуаке – не в первый раз, терпеливо дожидаясь, что будет дальше. Без некоторой доли «фатализма» жизнь революционера была бы вообще невозможна. Так или иначе, константинопольский антракт явился как нельзя более подходящим моментом, чтобы оглянуться назад, прежде чем обстоятельства позволят двинуться вперед.

Первоначально я написал беглые автобиографические очерки для газет и думал этим ограничиться. Отмечу тут же, что я не имел возможности следить из своего убежища за тем, в каком виде эти очерки дошли до читателя. Но каждая работа имеет свою логику. Я вошел в свою тему лишь к тому моменту, когда заканчивал газетные статьи. Тогда я решил написать книгу. Я взял другой, несравненно более широкий масштаб и произвел всю работу заново. Между первоначальными газетными статьями и этой книгой об-

щим является только то, что они говорят об одном и том же предмете. В остальном это два разных произведения.

С особенной обстоятельностью я остановился на втором периоде советской революции, начало которого совпадает с болезнью Ленина и открытием кампании против «троцкизма». Борьба эпигонов за власть, как я пытаюсь показать, была не только личной борьбой. Она выражала собою новую политическую главу: реакцию против Октября и подготовку термидора. Из этого сам собою вытекает ответ на вопрос, который так часто задавали мне: «Как вы потеряли власть?»

Автобиография революционного политика затрагивает по необходимости целый ряд теоретических вопросов, связанных с общественным развитием России, отчасти и всего человечества, в особенности же с теми критическими периодами, которые называются революциями. Разумеется, я не имел возможности рассматривать на этих страницах сложные теоретические проблемы по существу. В частности, так называемая теория перманентной революции, которая играла в моей личной жизни такую большую роль и которая, что важнее, приобретает теперь столь острую актуальность для стран Востока, проходит через эту книгу как отдаленный лейтмотив. Если это не удовлетворит читателя, то я могу лишь сказать ему, что рассмотрение проблем революции по существу составит содержание особой книги, в которой я попытаюсь подвести важнейшие теоретические итоги опыта последних десятилетий.

★ ★ ★

Так как на страницах моей книги проходит немалое количество лиц не всегда в том освещении, которое они сами выбрали бы для себя или для своей партии, то многие из них найдут мое изложение лишенным необходимой объективности. Уже появление отрывков в периодической печати вызвало кое-какие опровержения. Это неизбежно. Можно не сомневаться, что, если б мне удалось даже сде-

лать автобиографию простым дагерротипом моей жизни, к чему я вовсе не стремился, – она все равно вызвала бы отголоски тех прений, которые порождались в свое время излагаемыми в ней коллизиями. Но эта книга не бесстрастная фотография моей жизни, а ее составная часть. На этих страницах я продолжаю ту борьбу, которой посвящена вся моя жизнь. Излагая, я характеризую и оцениваю; рассказывая, я защищаюсь и еще чаще – нападаю. Мне думается, что это единственный способ сделать биографию объективной в некотором более высоком смысле, т. е. сделать ее наиболее адекватным выражением лица, условий и эпохи.

Объективность – не в притворном безразличии, с каким хорошо отстоявшееся лицемерие говорит о друзьях и врагах, внушая читателю косвенно то, что неудобно сказать ему прямо. Такого рода объективность есть лишь светская ловушка, не более того. Мне она не нужна. Раз уж я подчинился необходимости говорить о себе – никому еще не удавалось написать автобиографию, не говоря о себе, – то у меня не может быть оснований скрывать свои симпатии и антипатии, свою любовь и свою ненависть.

Эта книга полемична. Она отражает динамику той общественной жизни, которая вся построена на противоречиях. Дерзости школьника учителю; прикрытые любезностью салонные шпильки зависти; непрерывная конкуренция торговли; остервенелое соревнование на всех поприщах техники, науки, искусства, спорта; парламентские стычки, в которых пульсирует глубокая противоположность интересов; повседневная неистовая борьба печати; стачки рабочих; расстрелы демонстрантов; пироксилиновые чемоданы, посылаемые по воздуху цивилизованными соседями друг другу; пламенные языки гражданской войны, почти не потухающие на нашей планете, – все это разные формы социальной «poleмики», от обыденной, повседневной, нормальной, почти незаметной, несмотря на свою напряженность, – до чрезвычайной, взрывчатой, вулканической poleмики войн и революций. Такова наша эпоха. С ней вместе мы выросли. Ею мы дышим

и живем. Как же мы можем не быть полемичны, если хотим быть верны нашему отечеству во времени?

* * *

Но есть другой, более элементарный критерий, который касается простой добросовестности в изложении фактов. Как самая непримиримая революционная борьба должна считаться с обстоятельствами места и времени, так и наиболее полемическое произведение должно соблюдать те пропорции, которые существуют между вещами и людьми. Хочу надеяться, что это требование мною соблюдено не только в целом, но и в частях.

В некоторых, немногочисленных, правда, случаях я излагаю беседы в форме диалога. Никто не станет требовать дословного воспроизведения бесед много лет спустя. Я на это и не претендую. Некоторые диалоги имеют скорее символический характер. Но у всякого человека в жизни были моменты, когда тот или другой разговор особенно ярко врезывался в его память. Такие беседы обыкновенно пересказываешь не раз своим близким и политическим друзьям. Благодаря этому они закрепляются в памяти. Я имею в виду, разумеется, прежде всего беседы политического характера.

Хочу отметить здесь, что я привык доверять своей памяти. Показания ее не раз подвергались объективной проверке и с успехом выдерживали ее. Здесь необходима, впрочем, оговорка. Если моя топографическая память, не говоря уж о музыкальной, очень слаба, а зрительная, как и лингвистическая, довольно посредственна, то идейная память значительно выше среднего уровня. Между тем в этой книге идеи, их развитие и борьба людей из-за этих идей занимают, в сущности, главное место.

Правда, память не автоматический счетчик. Она меньше всего бескорыстна. Нередко она выталкивает из себя или отодвигает в темный угол такие эпизоды, какие невыгодны контролирующему ее